Михаил Селявин

Огонёк на окне

Михаил Селявин
Огонёк на окне

https://litres.ru/74876179
SelfPub; 2026

Аннотация

Трогательный рождественский рассказ, в котором сквозь приметы советского Нового года проступает свет настоящего праздника.

В его основе — реальная история семьи из русской глубинки 1930-х годов. Бывший владелец скобяной лавки Иван Михайлович возвращается из тюрьмы в родной поселок Семёновка — односельчане всем миром вымолили его у властей, но теперь он вынужден работать «под надзором» продавцом в собственном отнятом магазине. Приближается зима, а с ней — главный страх: за любое напоминание о запрещенном Рождестве отец пятерых детей может снова лишиться свободы. Чтобы не оставлять ребятишек без сказки и веры, родители решаются на тихую хитрость: устроить тайное Рождество под видом разрешенного Нового года — за прикрытыми ставнями и без опасного слова «Христово». Но один робкий огонек Вифлеемской свечи, зажженный детской рукой на подоконнике, меняет всё и становится тайным знаком для всей деревни.

Михаил Селявин
Огонёк на окне

Огонек на окне

Часть первая. Покров

Покровский ветер в тот год выдался резкий, сухой, с колючей снежной крупой, которая застревала в складках поношенного зипуна и таяла на обветренных скулах. Телега мягко покачивалась на подмерзших колеях, мерно поскрипывали несмазанные оси.

Сосед, дядька Прохор, не торопил мерина и всю дорогу от станции молчал — только изредка поглядывал на Ивана сбоку, словно проверяя, взаправду ли тот сидит рядом, не почудилось ли. Когда впереди показались знакомые плетни Семёновки, Прохор натянул вожжи у самых ворот и тихо, вполголоса сказал:

— Ну, с возвращением, Михалыч. Иди с Богом. Народ наш тебя в обиду не дал — и ты уж теперь береги себя. Не время нынче гордость показывать.

Иван молча кивнул, сжал его загрубевшую, пахнущую дегтем и табаком ладонь и спрыгнул на стылую землю. Ноги после долгого сидения на телеге затекли, но он тут же выпрямился, поправил картуз и толкнул калитку.

Дверь в сенях скрипнула раньше, чем он успел постучать. На пороге стояла Ольга — похудевшая, в темном платке,

сбитом на затылок, с замершими у груди руками. Секунду она смотрела на него так, будто боялась моргнуть и спугнуть наваждение, а потом тихо ахнула и шагнула навстречу.

— Ваня... Живой...

Из теплой горницы тут же посыпались дети — пятеро, мал мала меньше. Младшие вцепились в отцовские полы, уткнулись носами в пропахший дорогой и махоркой зипун, защебетали наперебой. Иван присел на корточки, обнял сразу всех, чувствуя, как колючий ком подступает к горлу, и впервые за долгие месяцы вдохнул родной запах — печного дыма, кислого теста и сушеных трав.

Поверх детских голов он встретился взглядом со старшим, Сергеем. Парню шел четырнадцатый год, но в его серьезных глазах уже читалась недетская, ранняя взрослость — за эти месяцы он поневоле стал в доме за старшего мужика.

Ольга быстро отерла концом платка глаза, выпрямилась и твердо, по-хозяйски велела:

— Сережа, бери-ка малых, выведите-ка во двор, покажите им, чего там дядька Прохор привез, да посмотрите, не пора ли скотину задавать. Идите, идите, не мешайтесь под ногами.

Сергей понял всё без лишних слов. Сноровисто подхватил младшую на руки, прикрикнул на остальных, и через минуту в избе стало тихо — только ходики на стене мерно отстукивали секунды да потрескивали дрова в печи.

Иван медленно снял картуз, повесил его на гвоздь у двери

и прошел к столу. Руки его слегка подрагивали. Не глядя на жену, он подошел к старому буфету, достал из дальнего угла припрятанную еще с лета пузатую бутыль с темной вишневой наливкой и граненую рюмку. Налил до краев, выпил залпом, зажмурившись, и с глухим стуком поставил стекло на скатерть.

Ольга тихо присела на лавку напротив.

— Ну как там, Ваня? — спросила она шепотом, словно и в пустой избе их могли подслушать. — Мы ведь всем миром ходили за тебя просить. И мужики подписи ставили, и бабы в район ходили, кланялись... Еле вымолили.

Иван сжал кулаки на столе. Костяшки побелели. Желваки заходили на скулах, а в глазах вспыхнула та горькая, бессильная обида, которую он давил в себе всю дорогу от станции.

— Отпустили, Оля... — голос его сорвался на хрип, и он заставил себя говорить тише. — Отпустили. Только не на волю, а под надзор. И знаешь, куда определили? В мой же скобяной магазин. Продавцом.

Он горько усмехнулся, глядя на свои ладони — руки хозяина, который каждую полку в той лавке своими руками строгал, каждый замок и пуд гвоздей сам на возах привозил.

— Понимаешь? В мой же магазин! Сидит там теперь уполномоченный из сельпо, тетрадки проверяет, а я за своим же прилавком стою, как наемный батрак, и за каждый гвоздь перед ним отчитываюсь...

Ольга слушала его, не перебивая. Лицо ее не дрогнуло

— ни слез, ни жалости, только глубокая, спокойная женская мудрость, которая в те годы держала на себе целые семьи. Она протянула руку и накрыла его сжатый кулак своей теплой ладонью.

— Ну и слава Богу, Ваня, — тихо, но твердо сказала она. — Слава Богу, что жив, что цел, что руки-ноги на месте. И работа есть, кусок хлеба детям будет. А что в свой магазин — так люди-то всё равно к тебе идут, не к уполномоченному. Главное — не увезли в лагеря. Перетерпим, Ваня. Лишь бы дети под крылом были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.